

Ю. Г. Ткаченко, Е. В. Дзюба
Екатеринбург, Россия

**ЖЕНСТВЕННОСТЬ И ФЕМИНИЗМ КАК АНТАГОНИСТЫ
В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются фрагменты французской и русской языковых картин мира, связанные с категориальным и концептуальным содержанием феноменов женственности и феминизма. Подчеркивается наличие универсальных, представляющих понятийное ядро, и этноспецифических особенностей в интерпретации указанных лингвоментальных образований. Отмечается, что задачами данной работы являются демонстрация этноспецифических особенностей содержания лингвоментальных феноменов «женственность» и «феминизм», рассмотрение их репрезентантов в русском и французском языках, анализ ассоциативной связи рассматриваемых феноменов с концептом неженственности в обеих культурах. В статье концепт женственности рассматривается с точки зрения его культурной значимости, устойчивости и нормативности в коллективном сознании носителей французского и русского языка. Постулируется, что в содержательной структуре лингвокогнитивной категории «феминизм» разрушается концептуальное ядро понятия женского как мыслительного конструкта, используемого в качестве обоснования гендерных ролей в жизни современного французского и российского общества. В заключительной части статьи формулируется вывод о том, что, несмотря на имеющееся сходство смыслового содержания концепта «женственность» во французской и русской лингвокультурах, в разных вариантах французской и русской языковой картины мира (научной, профессиональной и бытовой) наблюдаются различия в трактовке лингвокогнитивной категории «ФЕМИНИЗМ».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; языковая картина мира; русский язык; французский язык; лингвокультурология; женственность; неженственность; феминизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ткаченко Юлия Геннадьевна, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»; 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8-го Марта / Народной воли, 62/45; e-mail: tka55@yandex.ru.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: elenacz@mail.ru.

Ментальные процедуры получения, обработки, систематизации и знаковой репрезентации знаний изучались с древнейших времен философами, затем, в более поздние годы и до настоящего времени, психологами и психолингвистами, социологами и социалингами, антропологами и этнолингвистами, когнитологами и прагматическими лингвистами. Когнитивная лингвистика сосредоточивает внимание на процессах познания мира человеком, классификации получаемых знаний с помощью категорий языка, на отношениях между лингвистическими явлениями и внешней средой. Важность изучения названных ментальных процедур в течение уже нескольких десятилетий подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С. Пинкер, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, А. А. Залевская, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, В. В. Колесов, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, А. П. Чудинов и др.).

В процессе познания окружающего мира и его осмысления, в котором приоритетную роль играет язык, происходит мыслительная систематизация действительности, «детализирующееся расчленение видимого пространства» [Фуко 1977: 255], рождающееся

из жизненного опыта и воображения человека. Как отмечает М. Фуко, «мысль упорядочивает явления, разделяет их на классы, группирует по названиям, обозначающим их сходства и отличия» [Фуко 1977: 30]. Процедуры систематизации знаний осуществляются двумя взаимообусловленными способами познания: категоризацией и концептуализацией. Под **категоризацией** понимается процесс разделения объектов всего онтологического пространства на классы, группы и т. д.; это есть процесс упорядочения полученных знаний, распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека и часто задаваемым категориями языка, носителем которых этот человек является. Концептуализация представляет собой процесс освоения познаваемого феномена посредством осмысления ее когнитивных признаков, как категориальных (общих для класса объектов), так и дифференциальных (специфических для конкретного лингвоментального феномена) [см. подробнее: Дзюба 2015]. Процессы лингвокогнитивной категоризации и концептуализации являются в значительной степени субъективными, в значительной степени они опосредованы культурой и этносом, поскольку осуществляются посредством национальных языков [Дзюба, Чудинов 2016: 240]. Иными словами, следует говорить об этноспецифических особенностях указанных процессов и, следовательно, их результатов — категорий

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Ткаченко Ю. Г., Дзюба Е. В., 2017

и концептов. Более того, лингвокогнитивные феномены формируются неодинаково в разных вариантах языковой картины мира: научной, профессиональной, наивной [см. подробнее: Дзюба 2015]. В фокусе данного исследования находятся этноспецифические особенности содержания лингвокогнитивных феноменов *женственность* и *феминизм* в русской и французской лингвокультурах, а также их интерпретация в разных вариантах русской и французской языковых картин мира.

Ю. Д. Апресян отмечает, что национальные языки демонстрируют то, как народ воспринимает и концептуализирует окружающий мир [Апресян 1995: 350]. В свою очередь М. Фуко говорит о том, что язык, «который образовался за тысячелетия до человека и без него, система которого от него ускользает, смысл которого почти непробуден в словах» [Фуко 1977: 344], представляет собой историю познания, закрепляя в себе получаемые знания о мире [Фуко 1977: 116].

Языковая картина мира, представляемая как «знания о мире, воплощенные и выраженные языковыми средствами» [Колшанский 2010: 21], выступает как матрица смыслов, несущих в себе способ мировидения народа и являющихся основой для формирования систематизирующих действительность понятийных категорий.

Эволюция определила два биологических пола человека — женский и мужской. Соотношения понятий *женское* и *мужское* у каждого народа различны и специфичны в том, как неживые предметы, абстрактные явления наделяются женскими и мужскими качествами. Для демонстрации вышесказанного обратимся к некоторым примерам.

Архетипичным представлением России является образ порождающей все вокруг *матери-земли*, а Франции — *нежной и прекрасной девы* [Гачев 2003: 20], которую французы также называют *матерью*. Согласно последним данным www.wikiwox.ru, онлайн-карте слов и выражений русского языка, а также материалам «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова [Караулов 2002], с Россией ассоциативно связаны слова *мать*, *матушка*, а с Францией — *женщина*, *мать*. Литературные и поэтические произведения, поговорки и устойчивые выражения, представленные в «Национальном корпусе русского языка», также являются этому подтверждением: *За Россию нам, конечно, больно, / Оттого, что нам Россия — мать* (С. Есенин. Пугачев); *И Россия — мать родная — / Почесть всем отдаст сполна* (А. Твардовский. Василий Теркин); *Что наша Россия — мать наша — скажет, что*

так страшимся... (Л. Толстой. Война и мир); *Франция, первая женщина мира, губ принесла алость* (В. Маяковский. А может быть...); *О, Франция, одни сыны твои / Могли сковать из воздуха и света...* (М. Зенкевич. Мертвая петля); *О, прекрасная Франция, дочь королей* (С. Соловьев. К Франции); *Les enfants de la France / дети Франции* [Гак 1963: 396]; *Notre mere commune / мать сыра земля* [Гак 1963: 678]; *La France c'est ma mère. On peut changer d'épouse mais on ne peut pas changer de mère / Франция — это моя мать. Можно поменять жену, но нельзя поменять мать* (Dard); *La France a toujours été femme: coquette, légère, frivole; jolie et fort intelligente comme sont les femmes un peu homme / Франция всегда была женщиной: кокетливой, легкой, фривольной, красивой и очень умной, как женщины, которые имеют что-то от мужских качеств* (La Gauffrette 2016) и др.

Народ России выступает в качестве ее детей, поскольку мужем России-матери является государство в образе того, кто им управляет: *царь-батюшка*, *Сталин — отец народов*, *отеческая забота партии*, *Горбачев — отец перестройки* [Чудинов 2003: 44], *Путин — «отец родной»* [Лучший друг, любимый, отец... 2015] и под. Метафорически бытие русского народа представляется так, что он живет в семье, где его мать — это вся страна в смысле места проживания, местность, пространство, природа, а отец — государство, находящееся на этой территории, олицетворяемое в образе царя, руководителя партии, президента. Происходит разделение этнобытийного пространства на женское и мужское, в котором природа, земля, территориальное пространство воплощают в себе женское начало: *Да, небо оплодотворяет землю — своим теплородом, своим светом, своим дождем; оно — вечно мужское, она — вечно женское начало* (Ф. Зелинский); *женское — начало природное, космическое* (Н. Бердяев). В русском этносе каждая женщина воплощает в себе сформированное и закрепленное веками *женское начало*, а именно женственность, проявляющую себя через материнство.

В том, что касается архетипичного изображения Франции, то, по словам Эдгара Морена, современного французского ученого в области философии и социологии, и вышеприведенным примерам, эта страна также осмысливается через семейные отношения в группе «мать — отец — дети». Нация ассоциируется с феминным образом *Матери-кормилицы*, а государство выступает в роли *Справедливого отца*. Слияние материнского и отеческого, женского и мужского проявляется в словах *Patrie* (Родина), *matri-*

patriotique. Каждый француз является ребенком своей Матери-земли, воспитываемым отцом-государством [Morin 1987: 54—55]. Однако для французов Франция предстает не только в материнском, но и в девическом образе: — *Douce France*, т. е. «сладкой, милой Франции»: *Лежит Роланд лицом к земле испанской, / Лежит под сенью ели. Вспомнил он / О многом вдруг: о землях, им добытых, / О родине, о Франции-красе* (перевод со старофранцузского де Ла Барта) [Песнь о Роланде 1937: 86]. По словам Перрин Кудюрье, доктора филологии Парижского университета Сорбонны, с XVIII в. феминный образ Франции предстает в более активной роли, становится революционным, воинственным, оказывающим сопротивление, стремящимся к свободе [Coudurier 2011], особенно по сравнению с могучим, всеохватывающим, статичным русским прототипом Матери-земли. Народными французскими объектами поклонения всегда являлись Дева Мария, Жанна д'Арк и символическая Марианна как воплощение свободы нации, как олицетворение Республики: *Elle est aimable et sans façon, Elle est forte, elle est héroïque; Marianne est son petit nom Mais elle signe: la République!* / Она мила и откровенна, / Она сильна, она — герой; / Марианна — ее простое имя, но оно означает — Республика [Vouret 1880]. Франция — это мать, женщина, источник всего сущего, при этом проявляющая один из своих ликов в образе Девы-Свободы, объединяющей и ведущей вперед своих детей, свой народ.

Своим рождением русский и французский этнос связаны с *Матерью-землей*, то есть с *Женщиной*. Понятийная категория *женского* в обеих культурах общественно значима, поскольку является основой стабильности, историческим «полем нормативности» (термин, используемый Н. Д. Арутюновой) [Арутюнова 1987: 7], тысячелетним когнитивным смыслом, несущим в себе понятия традиционного, установленного, привычного. При этом нормативное поле соотносится со стереотипами патриархальных культур, сформированными как мужские модели оценки, выполняющими роль корректора и модулятора «Женского» как «женственности», а также с установками как «стандартизированными, устойчивыми, эмоционально насыщенными, ценностно-определенными образами, представлениями» о том, какой должна быть женщина [Социологический словарь 2008: 502]. Отклонением от нормы становится *неженственность*, проявляющая себя через борьбу или противостояние мужскому доминированию, означающую для него дисгармонию, опасность.

Представления о *женственности-нежен-*

твенности, выражаемые в культуре народа через язык, являются производными мужского взгляда на идеалы физических, психологических и нравственных характеристик женщины, сформировавшиеся с целью выделения и подчеркивания традиционных стереотипов о мужских качествах.

Данные проводимых ассоциативных экспериментов, многочисленные примеры из печатных и телевизионных средств массовой информации, веб-коммуникации свидетельствуют о сложившемся в обществе стереотипе: в коллективном сознании людей в России и Франции антонимом *женственности* (т. е. в роли *неженственности*) выступает понятийная категория *феминизма*, несмотря на то, что одно из направлений феминизма говорит об «онтологически заданных мужской и женской идентичностях», определяемых своими противоположными характеристиками [Патрушева 2013: 243].

В российской действительности феминизм воспринимается как нечто пришедшее извне, чужое (ср.: *Вот и до нас добрался феминизм. Хотя наши женщины на этом и не настаивали* [Беляков 2011]; *Феминизм это раковая опухоль. Он разрушает традиции, любовь* [Чинкова 2012]; *В массе своей российская общественность равнодушна к таким инициативам* (о феминизме) [Устинкин 2016: 14]). Феминизм выступает в массовом сознании как то, что стремится разрушить устоявшийся общественный уклад, в частности в вопросе отношений между полами и роли женщины.

По словам доктора психологических наук, автора многочисленных книг по психологии Я. Л. Коломинского, в ситуации, когда человек сталкивается с какой-либо новой информацией, противоречащей его внутренним установкам, он переживает психологический стресс, называемый когнитивным диссонансом, который буквально выражается в возведении человеком психологического барьера с целью препятствия принятию им этой информации [Коломинский 1986: 88]. В статье о когнитивном подходе к критическому дискурсу-анализу Рут Водак говорит о том, что новый опыт познания явления действительности не является объективным, а всегда приспособляется к прежним моделям индивидуального и коллективного опыта, испытывает на себе их влияние [Водак 2016]. Поэтому основная масса русских женщин и мужчин, незнакомя с феминистическими теориями, ставит барьеры на пути ознакомления с ними, преломляя их через субъективизм стереотипного мышления о «настоящих женщинах». Передаваемые СМИ отрицательные установки относительно яв-

ления феминизма как такового участвуют в формировании государственной дискурсо-идеологии женственности.

Феминизм во Франции, подпитываемый исконными представлениями о свободолюбивой французской женственности (*Une femme française — c'est une femme forte, c'est une femme entière, qui se reveille et passe à l'action quand elle se sent menacée à l'instar des Aliénor d'Aquitaine, Jeanne d'Arc, Anne de Bretagne et tant d'autres dans tous les domaines et depuis des siècles* [La Gauffrette 2016] / *Французская женщина — это сильная женщина, настоящая женщина, которая просыпается и переходит к действиям, как только чувствует для себя угрозу, по примеру Алиеноры Аквитанской, Жанны д'Арк, Анны Бретонской и многих других в самых разных областях и в самые разные века*), находит свое отражение в многочисленных философских трудах, формирующих научную языковую картину. Его активное изучение не только французскими философами, но и социологами, политологами, лингвистами говорит о научном интересе к этому культурному явлению. В последние десятилетия общественное мнение критически настроено к любым проявлениям дискриминации в отношении женщин, активисты выступают с многочисленными инициативами на всех уровнях власти по коррекции традиционных стереотипов женственности, в частности проявляющихся в языковых формах женского и мужского рода слов, означающих профессии, в грамматических формах согласования по роду, в способах обращения к женщине в обществе. Звучат и предложения по расширению лексики за счет единиц, описывающих познание действительности женщиной.

Феминизм как когнитивная категория выступает, однако, синонимом *неженственности* как в российской, так и во французской лингвокультурах. Причины сложившегося положения можно усматривать в следующем.

Одним из первых, кто заговорил в 1955 г. о том, что биологический пол не обуславливает назначения той или иной социальной роли в обществе или определенных качественных характеристик, был сексолог Джон Мани, проводивший исследования в области транссексуальности. Появление научного термина *гендер* в 70-е гг. прошлого столетия и его широкое применение в западной науке для обозначения «совокупности социальных и культурных норм, которую общество предписывает выполнять мужчинам и женщинам в зависимости от их пола» [Словарь гендерных терминов 2002: 21] связано именно с феминистским движением. Его теория зиждилась на представлении о том, что ис-

торически общества создали социальные установки, регулирующие поведение, деятельность и определяющие самосознание человека в соответствии с его биологическим полом. Общественное гендерное сознание постоянно самовоспроизводится через культурные пласты стереотипов и традиций, а также через добровольную гендерную идентификацию человека. До середины XX в., когда термина *гендер* еще не существовало, феминизм развивался на основе критики специфических отношений между мужчинами и женщинами: критики различного рода межполового неравенства и подавления сексуальной женской свободы; утверждалась идея эмансипации личности женщины от исторической и культурной обусловленности ее биологического рода. Косвенно заявлялось о гендерной дискриминации, асимметрии, стереотипизации, стратификации, находивших свое выражение в патриархальной модели человеческого общества, противопоставляющей мужское и женское, определяющей основы доминирования и распределения власти. С конца XVIII в. феминизм начинает проявлять себя как дискурс, открыто заявляющий о дискриминационной «традиционной» женственности.

Гендер, имеющий свою «культурно-символическую интерпретацию» [Словарь гендерных терминов 2002: 23], связан с закреплением концепта *женственности* в языке в соответствующей лингвокогнитивной категории *женского* как «ячейке упорядоченных знаний и представлений» [Дзюба 2015: 187] о том, что понимается под выражением *настоящая женщина*.

Концепт *неженственности* в наивном сознании французов и русских, формируемом инструментами СМИ, прочно связывается, ассоциируется с лингвокогнитивной категорией *феминизма*, когда все ее смысловое содержание практически сводится к перечислению противоположных понятию женственности значений. С целью подтверждения данного факта обратимся к методу лексикографического анализа на материале статей, посвященных дефиниционному описанию слова *феминизм* в русских и французских толковых словарях. Целью такого анализа является установление основных дифференциальных признаков понятийной категории *феминизма*, выявление отношения к данному явлению (аксиологических компонентов значения) как закрепившемуся в общенациональном сознании и отраженном в словаре. В качестве материала использовались восемь французских толковых словарей с 1993 по 2016 г. и 12 русскоязычных аналогичных лексикографических ис-

точников с 1964 по 2012 г.

После изучения лексикографической информации произведен анализ данных с целью выявления ключевых смысловых компонентов категории «ФЕМИНИЗМ» в обеих культурах.

Обобщенные данные французских толковых словарей являются следующими: *феминизм* — это *доктрина* (5 упоминаний), *движение* (3), *учение* (2), *позиция* (2). Отмечаются также следующие смысловые компоненты: *расширение ограниченных прав женщин* (7), *увеличение роли женщин в обществе* (4), *защита интересов, собственных женщинам* (2), *улучшение положения женщин в обществе* (1), *уравнение в правах мужчин и женщин* (1).

Обобщенные данные русских толковых словарей являются следующими: *феминизм* — это: *женское движение* (4 упоминания), *борьба* (3), *общественное движение* (2), *мировоззрение* (2), *движение* (1), *буржуазное движение* (1), *идея* (1), *буржуазное политическое движение* (1). Дополнительные смысловые компоненты: *уравнение прав мужчин и женщин* (8), *эмансипация женщин* (2), *равенство мужчины и женщины в общественной жизни* (2), *не касается актуальных проблем современности* (1), *выдвижение социальных требований* (1), *стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах общества* (1), *устранение дискриминации и подавления женщин* (1), *борьба за равные права женщины, в основе которой лежит убеждение, что женщины в разных обществах подвергаются дискриминации и унижениям только из-за своей*

половой принадлежности (1), *борьба за социальные и политические права женщин, охрану детства, против войны* (1), *стремление добиться формального равноправия женщин* (1).

Полученные данные позволяют отметить, что французские толковые словари определяют феминизм как *доктрину*, основным концептуальным содержанием которой является *расширение ограниченных прав женщин*, тогда как русские толковые словари называют феминизм *женским движением*, выделяя основной концептуальный смысл как *уравнение прав мужчин и женщин*. Во французском языковом сознании феминизм представляется как общая философская теория, не всегда связанная с женщинами, при этом признающая изначальную ограниченность прав женщин. В русской языковой картине феминизм — это женское движение, стремящееся уравнивать в правах женщин и мужчин. Другими словами, в этом движении участвуют женщины, осознавшие неравенство и выступающие за правовое равенство. Ассоциативный концептуальный смысл *неженственность* в структуре категории «ФЕМИНИЗМ» присутствует именно в русской языковой картине. При этом предполагается, что женщины могут вовсе не участвовать в каких-либо движениях и/или акциях противостояния установленным порядкам с целью указания на наличие неравноправия.

Концептуальные смыслы *женственности* — *неженственности*, культивируемые СМИ, актуализированы в нижеприведенных языковых клише *русской лингвокультуры* (см. таблицу 1).

Таблица 1

Русскоязычные контексты, актуализирующие смысловые компоненты *женственности* — *неженственности*

Контексты, актуализирующие смысловой компонент <i>женственность</i>	Контексты, актуализирующие смысловые компоненты <i>феминизм</i> — <i>феминистка</i> — <i>неженственная женщина</i>
<p>– <i>нежность, мягкость, изящество, хрупкость, тайна, уступчивость, терпение, трудолюбие; рост небольшой, но округлый, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая, любовь у нее одна — верная и судьбоносная, муж и дети, растворение в них, полная отдача семье</i> [Словарь русской ментальности 2014: 257, 258, 259];</p> <p>– <i>интуитивность, чувственность, экспрессивность, гибкость, отзывчивость, преданность, жертвенность, пассивность, слабость</i> [Словарь гендерных терминов 2002: 63, 64];</p> <p>– <i>такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; плывет пава, во лбу месяц светит, под косой звезда блестит, на каждой волосинке жемужинка висит</i> [Русские народные сказки 1976: 8, 9];</p>	<p>– <i>наличие каких-то личных, сексуальных проблем</i> [Слободчикова 2014];</p> <p>– <i>женщина, которая постоянно борется и доказывает свое равенство с мужчиной</i> [Слободчикова 2014];</p> <p>– <i>не мать</i> [Владимирова 2014: 13];</p> <p>– <i>подростковый максимализм</i> [Алкснис 2016];</p> <p>– <i>удел женщин-неудачниц или мужененавистниц</i> [Темкина 2015];</p> <p>– <i>чужое, новое, лишнее, перверсивное</i> [Гуськов 2013];</p> <p>– <i>страшная</i> [Гуськов 2013];</p> <p>– <i>выходит за пределы отведенного ей жизненного пространства, вынуждая выходить за «культурные» рамки мужчину, провоцируя насилие;</i></p>

Контексты, актуализирующие смысловой компонент женственность	Контексты, актуализирующие смысловые компоненты феминизм — феминистка — неженственная женщина
<p>– ...каблуки, платье, шляпка, перчатки... (как проявление статичности, пассивности) [Пинкола 2014: 10];</p> <p>– стремление к замужеству, примыканию к мужчине: <i>меня ты освободил, будешь теперь моим суженым; хочу быть твоей верной женой</i> [Русские народные сказки 1976: 27];</p> <p>– длинные светлые волосы: <i>вся краса у Маши — русая коса, до земли падает, цветы задевает</i> [Русские народные сказки 1976: 27];</p> <p>– скромная, отсутствие честолюбия, принятие предписываемой роли, отказ от борьбы: <i>с утра до вечера все с работой: и дома, и в поле, и в огороде. И грядки полет, и лучину колет, коровушку доит, никому не молвит ни слова, все сделать готова. Старшие сестры ею помыкают, за себя работать заставляют. А Маша молчит</i> [Русские народные сказки 1976: 32] и др.</p>	<p>– <i>вызывающе неопрятная женщина с низким голосом, резкой жестикуляцией, вытаращенными глазами и с сигаретой в зубах</i> [Гоцило 1991: 139];</p> <p>– <i>лесбиянство</i> [Гоцило 1991: 139];</p> <p>– <i>распутница</i> [Пинкола 2014: 10] и др.</p>

Таблица 2

Французские контексты, актуализирующие смысловые компоненты **женственности — неженственности**

Контексты, актуализирующие смысловой компонент женственность	Контексты, актуализирующие смысловой компонент неженственность — феминизм
<p>– набор характеристик, свойственных женщине (<i>Ensemble des caractères propres à la femme</i>) / набор характеристик, соответствующих социальному образу женщины: <i>очарование, мягкость, чуткость, нежность</i> (<i>Ensemble des caractères correspondant à une image sociale de la femme: charme, douceur, délicatesse</i>) [Le nouveau petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française 1993: 904];</p> <p>– ...она скромна, как юная невеста, бела, как лилии цветов, стройна и высока. До пят спускались косы. Рот, нос, глаза прекрасны были. Юна, мила, светловолоса, ловка и грациозна [Гильом де Лоррис 2001: 38];</p> <p>– <i>la virginité et la maternité</i> / целомудрие и материнство [Modrzejewska 1999: 21];</p> <p>– <i>l'obéissance et la modestie</i> / послушание и скромность [Modrzejewska 1999: 43];</p> <p>– <i>belle et agréable</i> / красивая и милая [Modrzejewska 1999: 79];</p> <p>– <i>l'accomplissement des tâches domestiques et l'éducation des enfants</i> / выполнение домашней работы и воспитание детей [Biscarrat 2013].</p>	<p>– <i>une névrosée, pas drôle, moche, qui déteste les hommes</i> / нервная, неприятная, уродливая, ненавидящая мужчин [Roussel 2016];</p> <p>– <i>une vieille fille poilue, aigrie et malbaisée, des lesbiennes, détestant les hommes</i> / небритая старая дева, постоянно раздраженная и сексуально неудовлетворенная, лесбиянки, ненавидящие мужчин [Huit clichés récurrents sur les féministes];</p> <p>– <i>l'anarchie, anti-hommes</i> / анархия, против мужчин [Marand-Fouquet 2015];</p> <p>– <i>feminist ne peut pas rester feminine</i> / феминистка не может оставаться женственной [Marand-Fouquet 2015];</p> <p>– <i>les femmes s'investissent dans la sphere professionnelle sans se soucier des consequences sur leur vie familiale</i> / женщины отдают себя профессиональной карьере, не заботясь о последствиях этого в их семейной жизни [Cardoso 2014: 220];</p> <p>– <i>adoptent les valeurs masculines (ambition, carriérisme)</i> / перенимают мужские ценности (амбиции, карьеризм) [Cardoso 2014: 221].</p>

Коллективное сознание отождествляет феминизм с тем, какой не может быть женственная женщина, поскольку феминизм включает такие концептуальные компоненты, как 'аномалия', 'инаковость', 'инакомыслие', 'неподчинение'. Например, основной смысловой составляющей концепта **женственности** для русских людей является внешняя красота женщины. По словам Карен Хорни, выдающегося психоаналитика, «женщины приспособляются к желаниям

мужчин и принимают эту адаптацию за свою истинную природу» [Хорни 1993: 28]. Нежелание быть красивой, симпатичной, милой воспринимается обществом минимум как странность, а все феминистки — как «страшные». Непоколебимость традиционного образа женщины у современных русских людей обосновывается строгой иерархией мужского и женского в российском обществе, где женственность — это *лояльность к власти мужчин, скромность при-*

тязаний, дисциплинированность, неактивность, направленность внимания на семью, мужа, но не на саму себя [Патрушева 2013: 258], жертвенность... это и есть истинная женственность [Искандер 2000].

Для французов основными концептами выступают *элегантность, очарование и нежность*, а не *привлекательная внешность*, что подтверждают сами французские женщины, подчеркивающие не свою красоту, а *нетипичность*, ср.: *...la Française est subtile, intelligente, sensible, intuitive, perspicace, elle œuvre discrètement, sûrement et sereinement dans la durée. Dans la sphere privée comme dans l'espace public* / Французка утончена, умна, нежна, интуитивна, пронзительна, она скромно, но постоянно и уверенно трудится во времени. Как дома, так и в обществе [La Gauffrette 2016]. При этом феминизм также имеет негативную коннотацию и воспринимается как изменение, ассоциируемое с ломкой традиционных стереотипов, чему сопротивляются власть и общество. Примеры французских контекстов, актуализирующих рассматриваемые компоненты значений, представлены в таблице 2.

Акцентируя внимание на том, что языковая картина мира выступает как матрица смыслов, которые систематизируют действительность понятийных категорий, можно сделать вывод о наличии общих смысловых компонентов категории «ФЕМИНИЗМ», представляемой в русской и французской наивных языковых картинах мира. Общность заключается прежде всего в аксиологических компонентах смысла, а именно в признании культурной значимости, ценности концепта *женственности* как залога неизменности общественного уклада.

Сама лингвокогнитивная категория *феминизма* отнюдь не включает в свою структуру концепт *женственности*, наоборот, противопоставляет ему концепт *неженственности*. Иными словами, в наивном сознании обоих народов категория *феминизма* содержательно практически полностью сводится к объему понятия *неженственности*. При этом в обеих лингвокультурах указываются такие определяющие составляющие концепта *неженственности*, тождественные с содержанием категории *феминизма*, как *неприятный внешний вид, отсутствие семьи и детей, профессиональные, личностные амбиции и карьеризм, мужененавистничество, нетрадиционная сексуальная ориентация*. При этом французские и русскоязычные лексикографические источники не фиксируют указанные компоненты значений при дефиниционном описании лексемы *феминизм*. Другими сло-

вами, в наивном французском и русском языковом сознании концепт *неженственности* выступает смысловым аналогом лингвокогнитивной категории *феминизма*. Однако французам свойственно видеть в основе движения феминизма, сторонниками и активистами которого являются не только женщины, научные и идеологические положения, что не свойственно для системы представлений о феминизме, стереотипно хранящейся в русском языковом сознании. В этом более ярко выраженном разделении на варианты видится специфика именно французской языковой картины мира, где лингвоконцептуальная вариативность наиболее выражена.

Лингвокогнитивные различия между научной, профессиональной и наивной языковыми картинками мира в рамках русской лингвокультуры менее выражены, поскольку их смыслы ассоциативно схожи. Варианты языковой картины мира в случае с русской лингвокультурой испытывают на себе влияние властного идеологизированного дискурса женственности, указывающего на проявляемую нетипичность и аномальность. Это объясняет то, что в российской культуре и обществе наблюдается бóльшая социальная напряженность в связи с феминизмом, чем во французском обществе, более толерантном к разного рода несоответствиям и отступлениям от стереотипов.

ИСТОЧНИКИ

1. Алкснис И. Страна победивших женщин, или Почему в России презирают феминизм / На Линии. 01.10.2016. URL: <https://www.nalin.ru/strana-pobedivshix-zhenshhin-ili-pochemu-v-rossii-prezirayut-feminizm-2620> (дата обращения: 02.01.2017).
2. Бекман Й. Pussy Riot — лицо фашизма. URL: <http://vkgdety.livejournal.com/389941.html> (дата обращения: 22.12.2016).
3. Беляков Е. И коня на скаку остановит, и бюджет пенсионный спасет // Комсомольская правда. 2011. 13 дек.
4. Владимирова Т. Торговцы поддержанными идеями // Литературная газета. 2014. № 3 (6446), 22—28 янв. С. 13.
5. Гильом де Лоррис, Жан де Мен. Роман о Розе. — Ростов н/Д, 2001.
6. Гошило Е. Перестройка или «домостройка»? // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 134—145.
7. Гуськов С. Виктория Ломаско: «На феминистской выставке кураторы “феминистки” оскорбляют художниц» // Colta. 2013. 9 марта. URL: <http://www.colta.ru/articles/art/349>.
8. Искандер Ф. Понемногу о многом // Новый мир. 2000. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.01.2017).
9. Лучший друг, любимый, отец. Как преподносят Путина в его день рождения // Medialeaks. 2015. 7 окт. URL: http://medialeaks.ru/0710olya_putindr.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.
11. Песнь о Роланде / пер. со старо-франц. Ф. Г. де Ла Барта. — М.: Художественная литература, 1937. 164 с.
12. Пинкола Э. К. Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях: перев. с англ. — М.: София, 2014. 448 с.
13. Русские народные сказки. — М., 1976. 160 с.
14. Слободчикова О. Женщины в России: между феминизмом и патриархатом? // Русская служба Би-би-си. 2014.

- 27 окт. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/10/141025_russia_sexism_violence_stereotypes.
15. Темкина А. Почему в России считается постыдным и унижительным говорить о феминизме и быть участником этого движения? // Программы гендерных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге, март 2015. URL: thequestion.ru/questions/583/pochemu-v-rossii-schitaetsya-postydnym-i-unizitelnyim-govorit-o-feminizme-i-byt-uchastni-kom-etogo-dvizheniya.
16. Устинкин С. В., Рудакова Е. К. Гендерные стратегии «Мягкой силы» НПО как инструмент реформирования культурного кода общества и государства в России // Власть. 2016. № 1. С. 5—15.
17. Чинкова Е. Бабе дорога — от печи до порога // Комсомольская правда. 2012.09.06.
18. Biscarrat L. La vie des signes au sein de la communication: vers une sémiotique communicationnelle // Émergences L'analyse des médias au prisme du genre: formation d'une épistémè. 2013. № 3. URL: <https://rfsc.revues.org/619>.
19. Cardoso A. La superwoman est-elle antiféministe? Analyse des discours de la presse féminine sur l'articulation entre vie professionnelle et vie familiale // Recherches féministes. 2014. Vol. 27, n. 1. P. 219—236. URL: <http://id.erudit.org/iderudit/1025424ar> DOI: 10.7202/1025424ar.
20. Marand-Fouquet Catherine. Féminisme à la française, Histoire des femmes, Olympe de Gouges. 2015. 11 janvier. URL: <http://feministesentousgenres.blogs.nouvelobs.com/feminisme-a-la-francaise>.
21. Coudurier P. La France en littérature: splendeurs et misères d'un mythe // La France des écrivains. Éclats d'un mythe (1945—2005) / sous la direction de Marie-Odile André, Marc Dambre & Michel P. Schmitt. — Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2011. 292 p. URL: <http://www.fabula.org/acta/document7433.php>.
22. Dard F. Citations. URL: http://www.linternaute.com/citation/cgi/recherche/recherche.php?f_motcle=mere&lance_recherche.x=0&lance_recherche.y=0&f_action_recherche=0.
23. Huit clichés récurrents sur les féministes. URL: <https://ladenture.wordpress.com/2013/05/29/huit-cliches-recurrents-sur-les-feministes/>.
24. La Gauffrette A.-S. Française, où es-tu? L'archétype de la femme française comme source d'inspiration // Inspiration. 2016. 26 Nov. URL: <http://bellica.fr/francaise-ou-es-tu-larchetype-de-la-femme-francaise-comme-source-dinspiration>.
25. Roussel J. DOIT-ON SE DÉBARRASSER DU MOT «FÉMINISME»? Publié le 22 septembre 2016. URL: <http://cheekmagazine.fr/societe/debarrasser-mot-feminisme>.
26. Vouret A. Refrain d'une chanson, juillet 1880. URL: <http://gallica.bnf.fr>.
- СЛОВАРИ, СПРАВОЧНИКИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ**
27. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 27.
28. Гак Г. Французско-русский фразеологический словарь. — М., 1963. 1111 с.
29. Даниленко В. И. Современный политологический словарь. — М.: NOTABENE, 2000. 1024 с.
30. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: ок. 160 000 слов. В 3 т. Т. 3. Р—Я. — М.: АСТ: Астрель, 2006.
31. Зенович Е. С. Словарь иностранных слов и выражений. — М.: Олимп: АСТ, 2002.
32. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: АСТ: Астрель, 2002. 784 с.
33. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 2. От реакции к стимулу: более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: АСТ: Астрель, 2002. 992 с.
34. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. — М.: Информация — 21 век, 2002. 256 с.
35. Словарь иностранных слов. В 2 т. Т. 2. М—Я / под ред. Т. Н. Гурьевой. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2002.
36. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С — Я / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1999.
37. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А — О /
- В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
38. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16 У—Ф. — М.; Л.: Наука, 1964.
39. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. — М.: Норма, 2008. С. 502—503.
40. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва [и др.]. — М.: Цитадель-трейд: Вече, 2012.
41. Толковый словарь иноязычных слов / под ред. Л. П. Крысина. — М.: Эксмо, 2010.
42. Толковый словарь русского языка. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Астрель: АСТ, 2000.
43. Толковый словарь русского языка начала 21 века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Склиаревой. — М.: Эксмо, 2006.
44. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. Т. 69, 80. Перп. изд. — М.: Терра, 1993.
45. Dictionnaire encyclopédique universel. — Hachette, Edition 1998. 498 p.
46. Dictionnaires Le Robert — Le Grand Robert de la langue française / Les ressources numériques Le Robert par Alain Rey. URL: <http://gr.bvdep.com/robert.asp>.
47. Dictionnaire universel francophone / Rédaction Hubert Lucot. — Hachette Edicef, 1997.
48. Larousse de Poche. — Paris, 2006. 329 p.
49. Le nouveau petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Nouvelle Edition du Petit Robert de Paul Robert sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey / Dictionnaires le Robert. — Paris, 1993.
50. Le Nouveau Petit Robert de Paul Robert. Sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. — Paris, 2004.
51. Le Petit Robert des noms propres: Dictionnaire illustré. Rédaction dirigée par Alain Rey. — Paris, 1999.
52. Le nouveau petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Nouvelle Edition du Petit Robert de Paul Robert sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey / Dictionnaires le Robert. — Paris, 1993.
53. Le petit LAROUSSE illustré / Larousse. — Paris, 2007.
- ЛИТЕРАТУРА**
54. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
55. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
56. Брайсон В. Политическая теория феминизма. — М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
57. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 267 с.
58. Водак Р. Взаимосвязь «Дискурс — общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Политическая лингвистика. 2016. № 19. С. 107—116.
59. Гачев Г. Ментальности народов мира. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
60. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2015. 629 с.
61. Дзюба Е. В., Чудинов А. П. Типы лингвокогнитивной категоризации действительности в русской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 238—247.
62. Коломинский Я. Л. Человек: психология. — М.: Просвещение, 1986. 223 с.
63. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Комкнига, 2010. 128 с.
64. Патрушева С. В. Гражданское и политическое в российских общественных практиках. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 525 с.
65. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М.: Прогресс, 1977. 407 с.
66. Хорни К. Женская психология. — СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 1993. 222 с.
67. Чудинов А. П. Новые русские метафоры // Русская речь. 2003. № 2. С. 44—48.
68. Modrzejewska K. La femme dans la littérature française —

Y. G. Tkachenko, E. V. Dziuba
Ekaterinburg, Russia

FEMININITY AND FEMINISMS ANTAGONISTS IN THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGE WORLDVIEWS

ABSTRACT. *The article deals with fragments of the French and Russian linguistic worldviews related to the categorical and conceptual content of the phenomena of femininity and feminism. It emphasizes the existence of universal characteristics which represent the conceptual core, and of ethnic-specific characteristics in the interpretation of these linguistic-mental formations. The objectives of this work are the demonstration of ethno-specific features of the content of the linguistic-mental phenomena of femininity and feminism, the examination of their representatives in the Russian and French languages, and the analysis of associative links of the considered phenomena with the concept of non-femininity in both cultures. In the article the concept of femininity is considered from the point of view of its cultural significance, stability, and normativity in the collective consciousness of native speakers of the French and Russian languages. It is postulated that in the content structure of the cognitive category of feminism the conceptual core of the Woman concept as a mental construct is destroyed and used as a justification of gender roles in the modern French and Russian societies. In the end of the article it is concluded that despite the similarity of the semantic content of the femininity concept in the Russian and French linguistic cultures there are differences in the interpretation of the linguistic and cognitive category of FEMINISM in different variants of the French and Russian linguistic worldviews (scientific, professional and naive).*

KEYWORDS: *cognitive linguistics; linguistic worldview; Russian language; French language; linguoculturology; femininity; feminism; masculinity.*

ABOUT THE AUTHORS: *Tkachenko Yuliya Gennadievna, Senior Lecturer, Department of Business Foreign Language, University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

Dziuba Elena Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Alksnis I. Strana pobedivshikh zhenshchin, ili Pochemu v Rossii prezirayut feminizm / Na Linii. 01.10.2016. URL: <https://www.nalin.ru/strana-pobedivshix-zhenshchin-ili-pochemu-v-rossii-prezirayut-feminizm-2620> (data obrashcheniya: 02.01.2017).
2. Bekman Y. Pussy Riot — litso fashizma. URL: <http://vk-gdety.livejournal.com/389941.html> (data obrashcheniya: 22.12.2016).
3. Belyakov E. I konya na skaku ostanovit, i byudzhnet pensionnyy spaset // Komsomol'skaya pravda. 2011. 13 dek.
4. Vladimirova T. Torgovtsy podderzhannymi ideyami // Literaturnaya gazeta. 2014. № 3 (6446), 22—28 yanv. S. 13.
5. Gil'om de Lorris, Zhan de Men. Roman o Roze. — Rostov n/D, 2001.
6. Goshchilo E. Perestroyka ili «domostroyka»? // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1991. № 4. S. 134—145.
7. Gus'kov S. Viktoriya Lomasko: «Na feministkoy vystavke kuratory "feministki" oskorblyayut khudozhnits» // Colta. 2013. 9 marta. URL: <http://www.colta.ru/articles/art/349>.
8. Iskander F. Ponemnogo o mnogom // Novyy mir. 2000. URL: <http://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 12.01.2017).
9. Luchshiy drug, lyubimyy, oets. Kak prepodnosyat Putina v ego den' rozhdeniya // Medialeaks. 2015. 7 okt. URL: http://medialeaks.ru/0710olya_putindr.
10. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: <http://ruscorpora.ru>.
11. Pesn' o Rolande / per. so staro-frants. F. G. de La Barta. — M.: Khudozhestvennaya literatura, 1937. 164 s.
12. Pinkola E. K. Begushchaya s volkami: zhenskiy arkhetyp v mifakh i skazaniyakh: perev. s angl. — M.: Sofiya, 2014. 448 s.
13. Russkie narodnye skazki. — M., 1976. 160 s.
14. Slobodchikova O. Zhenshchiny v Rossii: mezhdru feminizmom i patriarkhatom? // Russkaya sluzhba Bi-bi-si. 2014. 27 okt. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/10/141025_russia_sexism_violence_stereotypes.
15. Temkina A. Pochemu v Rossii schitaetsya postydnym i unizitel'nyy govorit' o feminizme i byt' uchastnikom etogo dvizheniya? // Programmy gendernykh issledovaniy Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, mart 2015. URL: thequestion.ru/questions/583/pochemu-v-rossii-schitaetsya-postydnym-i-unizitel'nyy-govorit-o-feminizme-i-byt-uchastnikom-etogo-dvi-zheniya.
16. Ustinkin S. V., Rudakova E. K. Gendernye strategii «Myagkoy sily» NPO kak instrument pereformatirovaniya kul'turnogo koda obshchestva i gosudarstva v Rossii // Vlast'. 2016. № 1. S. 5—15.
17. Chinkova E. Babe doroga — ot pechi do poroga // Komso-
18. Biscarrat L. La vie des signes au sein de la communication: vers une sémiotique communicationnelle // ÉmergencesL'analyse des médias au prisme du genre: formation d'une épistémè. 2013. № 3. URL: <https://rfsic.revues.org/619>.
19. Cardoso A. La superwoman est-elle antiféministe? Analyse des discours de la presse féminine sur l'articulation entre vie professionnelle et vie familiale // Recherches féministes. 2014. Vol. 27, n. 1. P. 219—236. URL: <http://id.erudit.org/iderudit/1025424ar> DOI: 10.7202/1025424ar.
20. Marand-Fouquet Catherine. Féminisme à la française, Histoire des femmes, Olympe de Gouges. 2015. 11 janvier. URL: <http://feministesentousgenres.blogs.nouvelobs.com/feminisme-ala-francaise>.
21. Coudurier P. La France en littérature: splendeurs et misères d'un mythe // La France des écrivains. Éclats d'un mythe (1945—2005) / sous la direction de Marie- Odile André, Marc Dambre & Michel P. Schmitt. — Paris : Presses de la Sorbonne nouvelle, 2011. 292 p. URL: <http://www.fabula.org/acta/document7433.php>.
22. Dard F. Citations. URL: http://www.linternaute.com/citation/cgi/recherche/recherche.php?f_motcle=mere&lance_recherche.x=0&lance_recherche.y=0&f_action_recherche=0.
23. Huit clichés récurrents sur les féministes. URL: <https://ladenture.wordpress.com/2013/05/29/huit-cliches-recurrents-sur-les-feministes/>.
24. La Gauffrette A.-S. Française, où es-tu? L'archétype de la femme française comme source d'inspiration // Inspiration. 2016. 26 Nov. URL: <http://bellica.fr/francaise-ou-es-tu-larchetype-de-la-femme-francaise-comme-source-dinspiration>.
25. Roussel J. DOIT-ON SE DÉBARRASSER DU MOT "FÉMINISME"? Publié le 22 septembre 2016. URL: <http://cheekmagazine.fr/societe/debarrasser-mot-feminisme>.
26. Vouret A. Refrain d'une chanson, juillet 1880. URL: <http://gallica.bnf.fr>.
27. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya / gl. red. A. M. Prokhorov. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1977. T. 27.
28. Gak G. Frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'. — M., 1963. 1111 s.
29. Danilenko V. I. Sovremennyy politologicheskiy slovar'. — M.: NOTABENE, 2000. 1024 s.
30. Efremova T. F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka : ok. 160 000 slov. V 3 t. T. 3. R—Ya. — M.: AST : Astrel', 2006.
31. Zenovich E. S. Slovar' inostrannykh slov i vyrazheniy. — M.: Olimp : AST, 2002.
32. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktivnoi : ok. 7000 stimulov / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — M.: AST : Astrel', 2002. 784 s.

33. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 2. Ot reaktsii k stimulu : bolee 100 000 reaktsiy / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — M. : AST : Astrel', 2002. 992 s.
34. Slovar' gendernykh terminov / pod red. A. A. Denisovoy. — M. : Informatsiya — 21 vek, 2002. 256 s.
35. Slovar' inostrannykh slov. V 2 t. T. 2. M—Ya / pod red. T. N. Gur'evoy. — M. : TERRA — Knizhnyy klub, 2002.
36. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4. S — Ya / pod red. A. P. Evgen'evoy. — M. : Rus. yaz., 1999.
37. Slovar' russkoy mental'nosti. V 2 t. T. 1. A — O / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — SPb. : Zlatoust, 2014. 592 s.
38. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 16. U—F. — M. ; L. : Nauka, 1964.
39. Sotsiologicheskiy slovar' / otv. red. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. — M. : Norma, 2008. S. 502—503.
40. Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: tolkovanie, slovopotreblenie, slovoobrazovanie, etimologiya / L. M. Bash, A. V. Bobrova [i dr.]. — M. : Tsitadel'-trejd : Veche, 2012.
41. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov / pod red. L. P. Krygina. — M. : Eksmo, 2010.
42. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. T. 4 / pod red. D. N. Ushakova. — M. : Astrel' : AST, 2000.
43. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala 21 veka. Aktual'naya leksika / pod red. G. N. Sklyarevskoy. — M. : Eksmo, 2006.
44. Entsiklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauz — I. A. Efron. T. 69, 80. Repr. izd. — M. : Terra, 1993.
45. Dictionnaire encyclopédique universel. — Hachette, Edition 1998. 498 p.
46. Dictionnaires Le Robert — Le Grand Robert de la langue française / Les ressources numériques Le Robert par Alain Rey. URL: <http://gr.bvdep.com/robert.asp>.
47. Dictionnaire universel francophone / Rédaction Hubert Lucot. — Hachette Edicef, 1997.
48. Larousse de Poche. — Paris, 2006. 329 p.
49. Le nouveau petit Robert : Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Nouvelle Edition du Petit Robert de Paul Robert sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey / Dictionnaires le Robert. — Paris, 1993.
50. Le Nouveau Petit Robert de Paul Robert. Sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. — Paris, 2004.
51. Le Petit Robert des noms propres : Dictionnaire illustré. Rédaction dirigée par Alain Rey. — Paris, 1999.
52. Le nouveau petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Nouvelle Edition du Petit Robert de Paul Robert sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey / Dictionnaires le Robert. — Paris, 1993.
53. Le petit LAROUSSE illustré / Larousse. — Paris, 2007.
54. Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy. T. 2. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. 767 s.
55. Arutyunova N. D. Anomalii i yazyk // Voprosy yazykoznaniiya. 1987. № 3.
56. Brayson V. Politicheskaya teoriya feminizma. — M. : Ideya-Press, 2001. 304 s.
57. Budaev E. V., Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2006. 267 s.
58. Vodak R. Vzaimosvyaz' «Diskurs — obshchestvo»: kognitivnyy podkhod k kriticheskomu diskursu-analizu // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 19. S. 107—116.
59. Gachev G. Mental'nosti narodov mira. — M. : Izd-vo Eksmo, 2003. 544 s.
60. Dzyuba E. V. Lingvokognitivnaya kategorizatsiya deystvitel'nosti v russkoy yazykovoy kartine mira : dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2015. 629 s.
61. Dzyuba E. V., Chudinov A. P. Tipy lingvokognitivnoy kategorizatsii deystvitel'nosti v russkoy yazykovoy kartine mira // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 24. S. 238—247.
62. Kolominskiy Ya. L. Chelovek: psikhologiya. — M. : Prosveshchenie, 1986. 223 s.
63. Kolshanskiy G. V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke. — M. : Komkniga, 2010. 128 s.
64. Patrusheva S. V. Grazhdanskoe i politicheskoe v rossiyskikh obshchestvennykh praktikakh. — M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013. 525 s.
65. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. — M. : Progress, 1977. 407 c.
66. Khorni K. Zhenskaya psikhologiya. — SPb. : Vostochno-Evropeyskiy in-t psikhoanaliza, 1993. 222 s.
67. Chudinov A. P. Novye russkie metafory // Russkaya rech'. 2003. № 2. S. 44—48.
68. Modrzejewska K. La femme dans la littérature française — symbole et réalité. — Opole : Uniw. Opolski, 1999. 201 p.
69. Morin E. Penser l'Europe. — Paris : Gallimard, 1987. P. 54—55.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.